

Эвелина АЗАЕВА

Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак Казахского государственного университета. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири.

С 1998 года жила в Канаде. 14 лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». В 2018–2020 годы издавала в Торонто газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде. В 2024 году в Петербурге вышел третий сборник «Перелетные люди».

Печаталась в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Нева», «Дружба народов», в газете «День литературы», «Завтра», на сайтах «Православие.ру», «Русская народная линия» и других. Дипломант литконкурса «Мгинские мосты» (Петербург, 2021, 2022), спецприз издательства «Вольный странник» (Москва, 2022).

Живет в Санкт-Петербурге.

НЕЧЕГО БОЯТЬСЯ

На выборы ехали как на праздник. День солнечный, на душе птицы поют. Март. «Мы давно отдали ему свое сердце, а сейчас – всего лишь голос надо отдать!» – улыбаясь, говорила Марина тем, кто спрашивал, поедет ли она в центр Торонто, в российское консульство, на выборы президента. У нее даже вопроса такого не стояло. Как и у всех местных «ватников». Конечно, поедут! Они были яростно преданы Путину. И неизвестно, имела ли у него такая полная, такая железобетонная поддержка в России, какой она была среди русских в Канаде в 2018 году.

Большое действительно видится на расстоянии. Когда живешь в стране постоянно, изменения не так бросаются в глаза, поскольку все происходит медленно, понемногу. Да плюс личные неурядицы портят картину. Их же привыкли списывать на плохую работу власти. Люди, переживая неудачи или терпя, например, нехватку денег, не берут во внимание ни то, в каком виде страна досталась этой самой власти, ни свои черты характера. Если кто-то беден, значит, стопроцентно власть виновата. Недодала. А сам человек не видит, что он ленив, или неуживчив и оттого ни на какой работе не задерживается, или безынициативен, равнодушен к общему делу, потому не продвигается по карьерной лестнице.

В общем, эмигрантам перемены к лучшему в России виделись более отчетливо. Они уезжали в 90-е из разгромленной державы, а теперь ездят в страну крепкую, сильную, с восстановленной экономикой и возвращенным Крымом. А до этого еще Олимпиада окрылила. Восхитила, приподняла, заставила парить. Приезжали-то в Канаду из поверженной державы и про эту поверженность всегда помнили. А тут вдруг включаешь телевизор, а там – Россия нарядная, богатая,

талантливая! На мировых экранах! Каждый день! Страна – мощная, президент – уверенный в себе, ходит и со спортсменами обнимается. И все это видят! Твои коллеги по работе, соседи и просто незнакомые прохожие канадцы на улицах.

Умирали от счастья у экранов. Народ-то – имперский, трудно в при-маках жить, неестественно – осознавать себя не хозяином, «под», а не «над». Гордостью засветились русские глаза, ликование плескалось в сердце. За одну только Олимпиаду в Сочи голосовали бы за Путина. А уж Крымом он всех «добил»: тут уже наступили «и жизнь, и слезы, и любовь».

Любви к президенту прибавляло, разумеется, и то, что видели, как его ненавидят в стране проживания. Власть и СМИ. Газеты было больно читать. Эмигранты понимали: это не Путин не нравится, а Россия и ее восстановление. Он вызывает ненависть именно как спаситель.

Наряду с англоязычной прессой, находящейся в руках самых богатых мировых кланов, охаивали президента русскоязычные газетенки. Может быть, даже активнее. Выпускала их преимущественно старая волна – приехавшие в 70–80-е «диссиденты». Антисоветчики, борцы за выезд в Израиль, которые, наконец туда вырвавшись, потом тихонько переехали в США и Канаду и любили Страну обетованную с безопасного расстояния, спрятав детей от армейской повинности и палестинских булыжников. Газеты их представляли из себя сборник рекламы, перемежающейся с ворованными из российской прессы (оппозиционной, разумеется) помойными статьями. Покинув СССР навсегда физически, духовно эта волна эмиграции с ним не расставалась ни на минуту. Перемыванию того, как ужасен «совок», Сталин, Путин и Патриарх посвятили жизнь. Мыли «бывшей родине» кости в своих газетах и на званых обедах. А как стали развиваться соцсети – и там. Того, кто возражал, обвиняли, что он агент КГБ, лузер и антисемит.

Русские читали охаивающие их Родину статьи и в первые почти два десятилетия эмиграции молчали – замучены были тяжелой работой, долгами и «проблемами адаптации». К тому же, законов не знали, всего боялись. Некоторые долго не имели вида на жительство, или члены семьи были в подвешенном состоянии. А после 2014 года, когда вспенилось русское море, когда построились русские канадцы в полки и пошли митинговать за Донбасс, когда начали проводить парады Бессмертного полка, тогда в русофобских газетах уже начали раздаваться звонки с ругательствами и даже угрозами сжечь их офисы.

Русофобы-редакторы вызывали полицию, пытались вычислить, кто звонит, и наказать. Но русское море продолжало клокотать. Путина любили фанатично, на хаящих его нападали в интернете и рвали в клочья. Русские ощутили снова свою силу. Не физическую или в отношениях с законом (тут ничего не изменилось), а духовную. В Монреале, когда одна из вражбых газетенок опубликовала о президенте РФ статью с оскорбительным заголовком, митингом в тысячу человек пришли к российскому консульству и требовали, чтобы Россия заявила ноту протеста. В митинге участвовали не только русские, но и украинцы, белорусы, казахи, евреи – полный СССР. Тираж газеты украли из всех магазинов. «Неизвестные русские патриоты», как, улыбаясь, пояснял предводитель митинговавших.

...Приняв душ и подкрасившись, взяв с собой российский флаг, с которым ходила на демонстрации и пикеты, Марина отправилась в центр города – в российское консульство. Настроение было – как на Первое

мая. Когда советские люди с улыбками и под песни советских композиторов, держа в руках прутики с яркими бумажными цветами, шли славить мир, труд, май.

* * *

– Украинцы идут! Провокаторы! – заволновалась русская толпа у консульства. Вереница людей тянулась далеко, огибая здание. Канадские власти распорядились, что пропускать в здание на выборы можно только по двое, поэтому и образовалась очередь. Зачем так сделали – неизвестно. Может, чтобы снизить явку. Но русские, увидев огромную очередь, не пугались и не уезжали, а становились в ее хвост.

– Где? Где?!

Марина увидела их – к русской толпе приближались люди с желто-голубыми флагами, в распахнутых куртках, под которые были надеты вышиванки. Двое мужчин, три женщины. В руках держали плакаты на английском, что Путин-де фашист и Россия, мол, агрессор.

Русские во все глаза смотрели на незваных гостей. Напряглись. Но один паренек, лет восемнадцати, стоявший с мамой в начале очереди, у дверей консульства, оттолкнул украинца, когда тот, подойдя слишком близко к его матери, стал кричать: «Шо вы тут робите? Вы прийшли поддержать таку погану людину? Та вы сами усе фашисты!» «Москали прокляти!» – пискляво вторили ему спутницы.

Паренек со словами «здесь не можно кричать!» (вырос в Канаде, русский язык несовершенно) оттолкнул хохла от матери, тот в ответ хряснул ему по уху, и завязалась драка. Украинцы тут же вызвали полицейских, которые, в общем-то, и не дремали, а сидели в машинах за углом, пили кофе и наблюдали за русской вереницей. В Канаде за сборищем людей всегда наблюдают – для безопасности.

Будучи молодыми парнями, стражи порядка до прихода хохлов пересмеивались: «Русская мафия!» Пялились на русских девушек – те очень отличались от канадских. В ярких курточках в талию, с меховыми воротниками и капюшонами, на каблуках, они знали, что выглядят экзотично и прекрасно. Канадские женщины одеваются проще. Это потому, что в стране никогда не было нехватки мужчин. Войны не косили. Вот канадки и расслабились – не ходят в булочную с макияжем, не мучают себя шпильками. Требуют с мужчин много. Преимущественно – денег. Но и внимания, и помощи в уходе за детьми. Марина, когда приехала в Канаду, поразилась, как много канадских отцов гуляет с детьми на детских площадках.

Русские девушки в очереди на выборы делали вид, что не видят молодых и стройных силовиков, но становились в модельные позы, грациозно откидывали волосы. Муж-полицейский – неплохой вариант. Стабильная зарплата, куча льгот.

...Полисмены скрутили украинца и русского и повели к своей машине, засунули туда. Потом вернулись, расспросили. Русские признали, что их парень толкнул первым (камеры наблюдения все равно показали бы), но просили не наказывать его, говорили, что его спровоцировали оскорбления.

Полицейские не выглядели враждебно настроенными, и, когда они уехали, толпа, пошумев, успокоилась. Вспомнили, что когда ходили демонстрациями за Донбасс, полицейские, сопровождавшие колонну, исподтишка показывали им большой палец и улыбались. В другой раз,

когда русские пришли митинговать к зданию парламента в Оттаве – во время приезда Порошенко*, и туда же явилась толпа украинцев, и эти два потока людей чуть не подрались, полицейские тоже тихо оттеснили их друг от друга и никак не показали русским, что предпочитают хохлов, хотя страна, власть ее – предпочитала.

– Дай бог, все будет хорошо! Помолимся за отрока! – провозгласил отец Викентий, уважаемый в русской среде человек, который собирал гуманитарку на Донбасс.

Прочитал молитву, все перекрестились.

Священник не мог голосовать за Путина, ибо не гражданин России, но пришел поддержать паству морально. Большой пожилой, седобородый мужчина с добрыми васильковыми глазами и легко краснеющими при смехе или огорчении щеками, он был похож на Деда Мороза. И действительно, как и сказочный волшебник, он многим людям помог в самых тяжелых ситуациях. Писал за них письма в госучреждения, свидетельствовал, принимал на работу в огромную приходскую школу, которой руководил. Но при всей его внешней мягкости, при детской наивности взора (и это в его-то лета!), это был твердый и смелый человек. Отправив в 2014-м в детдома и больницы Донбасса памперсы, инсулин, растительное масло в бутылках, консервы, лекарства и прочее, отец Викентий решил еще и собрать деньгами. Набралось двадцать пять тысяч долларов, передал их в детдома, но в храм его ходили и русофобы – из украинцев, выкрестов и прочих нерусских, и на него донесли. В итоге налоговая велела ему выплатить штраф в сорок тысяч долларов – «за нецелевое использование пожертвований».

Денежные потери не изменили его воззрений.

Были в толпе и другие люди без российского гражданства, которые страстно хотели бы проголосовать за Путина, но не имели права. Они выезжали из республик после развала Союза. Каждый год ждали, что Россия даст им гражданство. Но она не давала. В интернете время от времени появлялась новость, что решили дать, потом это оказывалась ложью. Эмигранты не понимали, в чем дело. Вот и сейчас зашел об этом разговор.

– Теперь есть понятие «Русский мир», нас заметили, – доказывала еврейка, театровед Ида. – Так что, думаю, Владимир Владимирович скоро даст нам гражданство. Вот увидите!

Ида была уважаема за то, что писала острые, яркие пророссийские статьи. И драконила российских режиссеров-русофобов и артистов-русофобов. Ее статьи печатали в московских газетах.

– И это не случайность! Жириновский сказал, что есть либеральное лобби в Госдуме, они знают, что русские за границей – запутинцы, и потому не хотят пускать, – сказала Марина. – Опять же, наши люди в Канаде специалисты же, с опытом работы, энергичные, деловые, со знанием языков. Не хочет вражья сила такими русскими укреплять Россию.

– Да, – вздохнула Татьяна, эмигрировавшая в Канаду в 90-е из Николаева. – Скорее бы нас приняли, а то я, русская, езжу в Москву с визой! В очереди за ней стою, волнуюсь: дадут, не дадут?

Татьяна недавно возила в Москву семнадцатилетнего внука, родившегося и выросшего в Канаде. Русский язык паренек знал, но не очень хорошо, ленился учить. Бабушка потом рассказывала, как ей билет

* Внесен в список террористов и экстремистов.

в музей дали по сниженной цене, так как не сомневались, что она россиянка, а внуку продали по повышенной как иностранцу.

– А я ему сказала: «Так тебе и надо!» – смеялась. – Нечего с акцентом разговаривать!

– Все там будем! – провозгласил молдаванин Иван Руссу, подразумевая, что в России. У Ивана русская жена. Она тоже без российского гражданства, но он надеялся, что ей дадут, а потом и ему как мужу. – Не может быть, чтобы Россия своих не приняла! Вот сейчас Владимир Владимирович увидит, как русские в дальнем зарубежье все за него, и что-то сделает, чтобы мы могли приехать домой насовсем!

Иван считал себя русским. Русским молдованином.

И пошел частый разговор о том, как будут переезжать, поедут ли дети и внуки, в какой город поехать. Раздавалось: «А они мне говорят: “Мы тебя депортируем!”, а я отвечаю: “А может, я хочу – простудиться и умереть!”. Подумаешь, напугали они меня тем, что домой отправят!»

Эмигранты мечтали. В грезах о возвращении побеждали Москва, Петербург и Краснодар. Некоторые уже ездили, приглядывали себе будущее место жительства, некоторые даже купили квартиры. Хотелось и в Крым. Но Канада запретила не только покупать там недвижимость, но даже и просто посещать. Никто не знал: а что за это будет-то? Поерничали: «Сиропу нам кленового в кофе не нальют за это».

Марина вдруг обратила внимание на молодую пару, которая мрачно молчала. Все улыбались, переговаривались, шутили, обнимались, никто не скрывал, что пришел голосовать за Путина, а эти – молчали. И лица – траурные. Поняла, что они пришли голосовать против. Либерда проклятая.

– А я купила квартиру в Сим... – начала было Алена, еще одна «ватница», но Марина так выразительно на нее глянула, что та закончила:

– В Семипалатинске, – и посмотрела туда, куда Марина показала глазами. На парочку либералов.

Татьяна на всякий случай подыграла:

– Я понимаю, что ты из Казахстана, на родину потянуло, но лучше бы ты в России купила.

Боялись стука. Он в свободном мире очень развит. На нем держится порядок.

Противная парочка не выдержала. Девушка в круглых очках, в детской шапке с длинными ушами (и почему они всегда так придурковато выглядят?), громко спросила:

– Вот за что вы ненавидите Канаду? Она вас приняла, неблагодарные! Собчак ругаете, а сами разве – не пятая колонна?

Все замолкли. Переглядывались: с какой стати они вдруг ненавидят Канаду?

Марина думала, что девушка не угадала. Плоско мыслит. По ее, Марининым, наблюдениям, русские иммигранты не относились к Канаде плохо. Даже несмотря на то, что она противостояла сейчас России. Отделяли власть от народа. Ибо застали другую Канаду. Приехали же в правление Жана Кретьена. Тогда, в девяностые, страна была добродушной, расслабленной, счастливой. Не агрессивной ни чуточки. Кретьен старался наладить связи с Россией, даже возил в Москву делегацию из трехсот человек – политиков, депутатов, бизнесменов, спортсменов. Рядовые канадцы на русских косяка не давили и не давят даже сейчас, когда идет война на Донбассе. Они и сами нынешнее свое

правительство критикуют. И сами не понимают, на что им сдалась какая-то Украина.

Потом к власти пришел Стивен Йозеф Харпер – ярый заукраинец, который перемежает обещания о помощи Украине клятвами в любви к Израилю. И понеслось... Агрессивная русофобия в газетах, мусульман местных запугал вусмерть (подловато вообще-то – сначала пригласить их в страну, отобрать самых образованных, перспективных, дать гражданство, а потом драконить в каждой статье, сообщать, что они террористы). Такого премьера испугались даже сами канадцы. Вышли как-то в 56 городах и поселках страны на демонстрации против инициированного правительством «антитеррористического закона», по которому можно хватать любого. «Мы боимся Харпера больше, чем террористов», – писали на плакатах.

В общем, русские иммигранты были слишком умны, чтобы ненавидеть целую большую, похожую природой на Россию страну за действия каких-то политиков, которые, подобно Горбачеву или Ельцину, сделают свое черное дело и уйдут. А Канада – останется. Со своим трудолюбивым, отзывчивым народом (если заглохла машина, непременно будут останавливаться и предлагать помощь). Необычайно вежливым и с тонким чувством юмора. Демонстрации против закона, отбирающего права, и против сексуальных извращений, тоже сблизили русских иммигрантов с канадцами. Трудно ненавидеть людей, которые с тобой плечом к плечу, разделяют традиционные ценности и так же не хотят спонсирования войны на Украине из своих налогов.

– Мы не ненавидим Канаду! – ответил Иван. – Мы вообще-то работаем, делаем вклад в экономику.

– Нет, вы ненавидите! Она вас приняла, а вы – предатели! – ярилась девушка. – Вас надо депортировать!

Все примолкли, переваривая. Потом стали смеяться. Смех нарастал, и девица выглядела все более растерянно и сконфуженно.

Марина вспомнила как одна ее единомышленница, которая в 2014-м на большом сроке беременности ездила по домам, собирала гуманитарку на Донбасс, таскала ящики с одеждой и консервами, тоже как-то грустно заметила: «Слушай, а мы получаемся как либерда в России – пятая колонна». Не хотелось быть похожими на Быкова* и прочих акуниных**-лазаревых**.

И Марина ей тогда объяснила, что пятая колонна вредит стране проживания.

– А мы разве вредим? Нет, мы все специалисты, нас за это сюда и приняли. Мы работаем, платим налоги, законопослушны. Стрижем лужайки, сортируем мусор. В России либералы ездят в храмы на катафалках, власть в интервью иносми охаивают, левиафаны и матильды поганые снимают, а мы разве в Канаде такое делаем? Мы с риском для своего благополучия вместе с канадцами ходим на демонстрации против сексуального образования – заботимся о будущем канадских детей! Мы вместе с коренными выступали против закона, который позволяет скрутить в бараний рог любого канадца. Так что мы очень полезные граждане. Честные, активные.

– Ну, значит, Россия потеряла в нашем лице, – подумав, сказала та.

– Это да...

* Физическое лицо, признанное в РФ иноагентом..

** Признан в РФ иноагентом, внесен в перечень экстремистов и террористов.

Марина и сама об этом не раз думала. Тогда, в 96-м, уезжая из России, она не понимала, что страна в ее лице что-то теряет. Не была о себе высокого мнения. А потом, уже после 2014-го, вдруг осознала, что нет, обездолили они все Родину, уехав. Не по злomu умыслу обездолили. Цены себе не знали.

Но если говорить о главной причине, почему русские не испытывали ненависти к Канаде при всей ее заукраинскости, то это потому, что нормальные, психически здоровые люди не могут ненавидеть целые страны. Ругать их на чем свет стоит и временами испытывать сильнейшее возмущение – это одно. Но вот прямо постоянно, ежедневно ненавидеть и, находясь там в качестве не шпиона, а жителя, умышленно вредить – совсем другое. Не в природе человека гадить там, где живешь. Народу, который позволил поселиться рядом, доверился. Привыкая, любой ментально здоровый человек начинает испытывать добрые чувства к месту, где расположился, к соседям, к сослуживцам, к незнакомым прохожим. И русские были именно такими. Незлобивыми, не подлецами, честными людьми, которые выполняли обязательства, принятые при получении въезда на жительство. Собственно, и в республиках бывшего СССР русские не занимались вредительством, а напротив, старались всеми силами подсобить...

По наблюдениям Марины, одна лишь либеральная общественность, обличенная еще Достоевским, отличались ненавистью к любому месту, куда ни посели ее. Гадили, высмеивали, предавали, радовались неудачам. И то ли дело в генетическом сбое, то ли в безбожии, коим отличались «свободолюбцы», а то ли надо верить конспирологам, которые считают, что есть люди, произошедшие от сатаны, рептилоиды. \

* * *

– А-а-а! – вдруг радостно взревела толпа, и Марина увидела, что к дверям консульства бежит тот самый парнишка, что подрался утром с украинцем. Его отпустили!

Он подбежал и рассказал, что все хорошо, ему ничего не будет, украинцу тоже. Их пожурили, но дело не завели.

– А знаете, как того хохла зовут? – рассмеялся. – Скотт Поганий! Третье поколение канадских украинцев.

Все хохотали. Настроение сильно улучшилось. Переживали за мальчика...

Из консулата выходили проголосовавшие. Довольные, важные, с чувством, что сделали что-то очень правильное. «Путин – царь!» – крикнул толпе риелтор Идлен Сидорофф, потрясая кулаками над головой. (Идлен – от «идеи Ленина», мама в прошлом – преподаватель марксизма.)

И в этом выкрике была личная смелость. Потому что такие вещи сразу же расходятся по общине, и от риелтора могут уйти старые клиенты, если им Путин не царь. То есть за слова Сидорофф может потерять десятки тысяч долларов. Но он шел ва-банк. Окрасил свою рекламу в газетах в сине-красно-белые тона и ходил на все «ватные» мероприятия.

Странно, что Марина стояла на каблуках, уже долго, но ноги не устали. Вот что значит приподнятое настроение. Адреналин или что там... Кто-то запел «Катюшу», другие подхватили. Марина взглянула в сторону противной пары, и увидела, что их нет. Оглянулась – они быстрым шагом уходили. Первые не выдержали. Ну и, видать, поняли, что их два голоса не свергнут «тирана».

* * *

Вдоль очереди в консульство шли две женщины. Одна, пожилая, худая, с вредным лицом, – впереди, вторая, помоложе, с лицом огорченным, – позади. Пожилая взглядывалась в лица, искала кого-то.

Немолодой мужчина в бежевом плаще отвернулся к стене, попытался спрятаться за чужую спину.

– А ну выходи! – истерично взывала пожилая, быстро сунула руку в гущу очереди и вытащила худыми цепкими пальцами прятавшегося. Высокий, статный, но совершенно напуганный, он бормотал:

– Оля, ну что ты? Ну что ты?.. Иди домой...

– Я тебе сейчас пойду! Ах ты, старый пень! Думал, не догадаюсь?! Ты о внучке подумал? О нас подумал?!

Женщина, несмотря на то что была намного ниже мужа, легко схватила его за шею и потащила за собой.

– За Путина он голосовать будет, сволóта! А як же ж без нього!

– Оля, прекрати! – взывал, остановившись, мужчина, но жена волокла его дальше, подгоняя пинками. – Олеся, доча, скажи ей!

Все в изумлении наблюдали. Молодая женщина, Олеся, подняла меховой воротник кожаного пальто до глаз и быстро уходила, как будто она не с родителями.

Все поняли, что русский отец семейства, обладатель российского паспорта, тайком от семьи приехал голосовать, но украинская семья его нашла и утащила. Мужчине скорбно смотрели вслед, жалели.

Таких русских и украинцев, у которых семья – бандерва, немало. В советское время женились, не разбираясь кто кацап, кто хохол, а тут вдруг внезапно обнажились краугольные противоречия. Доходило до разводов, а где не доходило – там лились слезы. Здесь же, в толпе, стояла пожилая русская женщина Анна, которая вышла замуж за украинца из Канады и находилась в процессе получения вида на жительство. Так, через замужество, она хотела воссоединиться с взрослым сыном, у которого не хватало дохода чтобы показать его иммиграционному ведомству и официально стать спонсором эмиграции матери. За канадского украинца Остапа Анна выходила до знакового 2014 года, Остап выглядел солидным, приятным, ухаживал. Вдовец со взрослыми детьми и внуками-подростками смотрелся презентабельно, все вокруг советовали не кобениться, выходить замуж. (А куда там кобениться, когда сын живет в Канаде, у него трое детей и никаким другим путем воссоединиться с ним нельзя?) И действительно в первые годы Анне с Остапом жилось неплохо.

До донбасских событий.

– Потом он как с ума сошел, и его дети тоже, – рассказывала однажды женщина по телефону журналистке русской газеты. – Я плачу и плачу. Они тут собираются у нас – муж, его дети, их друзья – и такое несут про русских! Проклинают! Оказались самые настоящие бандеровцы, у мужа отец в СС состоял, я не знала. И показать нельзя свои

чувства – мне уже немного осталось до получения документов. Потом разведусь и ни ногой к ним.

– А почему вы шепотом говорите? – спросила журналистка.

– Да чтобы никто не услышал. Я в туалет ушла, но все равно... У меня уже силы кончаются это терпеть, потому вам звоню, хоть выговориться. Внуки мужа по лесам тут бегают, игра у них вроде нашей «Зарницы», только ловят они якобы кацапов и «убивают» их шариками с краской. То есть тут тренируют детей для войны с русскими! Мне ваша газета – как глоток воды. Я ее беру, в парке читаю, потом возвращаю в магазин – домой принести нельзя. Приходится им подкидывать, я живу как Штирлиц, чтобы ничем себя не выдать... Так тяжело!

– Почему вам так долго не дают документов? Сколько осталось ждать?

– Были проблемы – нам отказ приходил, потом адвоката наняли, он по новой процесс запустил. Думаю, в этом году дадут, вроде бы уже все хорошо. Но уходить от мужа сразу тоже нельзя, власти подумают, что брак фиктивный. За Остапом не заржавеет, отомстит. Так что придется еще потерпеть. Можно я вам буду звонить иногда?

– Не можно, а нужно, а то с ума сойдете.

* * *

Анатолий сидел в машине, на пассажирском месте, а жена, Ольга, которая утащила его из очереди в российское консульство, царапала ему лицо. Цепкими пальцами скребла его обвислые щеки и орала.

– Ты о внучке, сука, подумал?! Она на всю украинскую общину известная художница, ее картины по всему миру выставляют! А ты что сделал? А если тебя кто увидел, что с ней будет? Вся карьера навернется! Мы для этого столько денег вбухали в ее уроки? И как тебе, бисова харя, в голову пришло на выборы пойти?

Дочка с заднего сиденья пыталась заступиться за отца, но сама боялась матери, хоть и взрослая. Олеся только плакала и говорила: «Мама, не надо, мама...»

– А ты молчи! Такая же кацапка, как папаша! Можете оба валить в Рашку! Но Ганночку я вам не отдам! Все подтвердят, что она у меня больше живет, чем с родной мамой! Мне опеку отдадут!

– Это потому что ты сама художница и учишь ее, а не потому что я плохая мать, – провыла Олеся. Она уже рыдала. Олеся жалела отца, боялась потерять дочь и давно уже устала от диктата матери. Но выхода не видела. Мать вносила заметный вклад в карьеру пятнадцатилетней Ганночки. Та, с пяти лет обучаемая бабушкой, а не только платными учителями со стороны, проникла со своими картинами в лучшие галереи США и Европы, считалась вундеркиндом.

Анатолий вырвался, резко открыл дверцу автомобиля и выскочил, побежал по растаявшей мартовской снежной жиже.

Тяжело дыша, Ольга завела машину и повела ее в направлении дома. Дочь в голос плакала, как маленькая девочка. Минут через десять матери это надоело, и она остановила машину на обочине, обежала ее, открыла дверцу и вытащила Олеся, толкнула ее в подтаявший сугроб. Потом села на водительское место, повернулась назад, взяла с заднего сиденья сумку дочери и выкинула в окно.

– Сами домой добирайтесь, кацапы! – крикнула.

Стояли в очереди на голосование четыре часа. Кто-то меньше, но самые последние вошли в здание консульства через четыре часа после прибытия. Многим так и не довелось проголосовать, ибо двери закрыли. Не потому, что так решили российские дипломаты, а снова дело в распоряжении канадских властей голосовать только до определенного времени.

Марине удалось отдать любимому президенту голос, после чего она отправилась в русский ресторан – отмечать. И обнаружила там и других из очереди. Значит, и остальные восприняли выборы как праздник. После ресторана заехала в русский магазин. Набрала продуктов в корзину, подошла к кассе. Там стоял хозяин, Марк, они знакомы. Пожилой еврей, усталый и печальный, спросил ее, чего она так светится. Хотел узнать – может, и ему есть чему порадоваться.

– На выборы ездила, за Путина голосовала, – не без гордости ответила женщина.

– А-а, – равнодушно откликнулся Марк. Он не увлекался политикой. У него три продуктовых магазина, и ему не до чужого бизнеса. Политику он считал бизнесом, на котором обогащаются или теряют. – А шо, так уж он вам нравится?

– Он спас нашу страну! Вы, поди, в восьмидесятые уехали и не видели, что случилось в девяностые. Если б не он... если б не он...

– И шо бы, если б не он? – уныло поинтересовался Марк.

Она подбирала слова.

– Страна погибла бы. Он такой... такой... что за него хочется отдать жизнь! – наконец, определилась.

Марк грустно на нее посмотрел. Помолчал и сказал:

– Надеюсь, вам не придется этого сделать.

Она взяла продукты и пошла к машине. Ехала и думала над его словами. Что смерть за убеждения ближе, чем кажется. Что по всему миру убивают несогласных, и «смерть за царя» возможна не только в Средневековье, но и в двадцать первом веке. Тем более когда живешь в стране, противостоящей этому самому царю. Вон один министр канадский говорил недавно в интервью, что хотят взяться за тех, кто «верен режиму чужой страны». Причем подвели его к этому русскоязычные иммигранты – те самые издатели русофобских газет, поклонники авторской песни и Шендеровича*. Записались на прием и изложили про «ватников». Годами охаивали в своих изданиях сталинскую атмосферу доносов, а сами пришли к министру, который говорит по-русски (работал дипломатом в России), и принесли ему капуччино в стаканчике, вышиванку и сведения о местных запутинцах. Донесли. «Мы живем в свободной стране!» – повторяли они в своих газетах как мантру. Но при этом, в глубине души, видимо, не верили в западные свободы, если ждали для «ватников» наказания за взгляды.

«Виноградную косточку в землю зарюю», – любили они распевать на посиделках, мечтательно уводя глаза вверх и свято веря в свою интеллигентность и приверженность правам человека. А зарыть-то, как оказалось, хотели исключительно несогласных с либеральной повесткой соотечественников. Вот те и «солнышко лесное»...

* Физическое лицо, признанное в РФ иноагентом.

Министр пообещал им принять меры, но не успел – свалился с поста раньше, оскандалившись по финансовому вопросу.

Можно было бы, конечно, вернуться на Родину, но об этом Марина думала лишь гипотетически. После двадцати с лишним лет в Канаде возвращение не представлялось легким и разумным. Во-первых, раскрутила бизнес. Положены силы и годы, бросать, что ли? Теперь, когда бизнес едет сам по своим рельсам и дает хороший доход. Бросать, и что? Наниматься в России на работу? Говорят, там людей после срока неохотно берут, а открывать новое дело уже нет сил. Да и пенсия там не заработана.

Муж-итальянец к России хорошо относится (настроила), но не согласится ехать туда навсегда. Дети родились в Канаде и выросли, им переезд будет как эмиграция – потрясением. Им, конечно, понравится там, но в первые годы будет трудно – язык знают, но читать и писать на нем не могут, не было у нее времени обучить. В первый класс им, старшеклассникам канадским, идти, что ли? И мама-пенсионерка. Здесь у нее субсидированное, отдельное жилье, а там что, всем вместе жить? И муж чем будет заниматься?

Едут из страны, когда невыносимо жить. Нет дома, работы, а у нее все есть. Причем вначале долго было трудно, а сейчас как раз уже пожинает плоды, и ввергать себя в новые тяготы не хочется. Тем более что помогать Родине можно хоть откуда. Вон они тонну гуманитарки на Донбасс собрали. И продолжают посылать туда и посылать... Может быть, от них даже больше пользы, когда они за границей, кто знает?

Так успокаивала себя. Потом вспомнила слова Марка, и снова стало не по себе. Кто знает, как поступят местные украинолюбцы во власти с теми своими гражданами, которые за Путина?

Ладно, не надо дрейфить, успокоила себя. С нами случается вовсе не то, чего мы боимся. Случается то, о чем и не думали. Соломку не подстелить. Любить Россию всегда и везде было опасно, но куда деться? Не любить ее невозможно. Можно, конечно, помалкивать, но... Как-то это погано. «скоттопогано».

Вспомнила, что недавно смотрела по российскому телевидению передачу про мальчиков-курсантов какого-то военного училища. Суворовского или какого другого, не запомнила. И вот спросили отрока с белым, румяным лицом и большими серыми глазами, какая у него любимая фраза на латыни (в училище ее изучали), а он ответил:

– Nihim timendum est.

И перевел:

– Нечего бояться.